

"Сум..." Линь Цинъюй снова обрел некоторое чувство ****. Увидев, что Сум упал на его тело, его лицо уже было бледным, он перевернулся и положил его на циновку, а затем посмотрел на него. Из тела младшего брата, который исчез из его тела, вытекали струйки крови. Он почувствовал себя немного взволнованным и поспешно позвал: "Сум, Сум?".

"Хозяин..." Сум посмотрел на нее с довольной улыбкой на лице и сказал: "Мастер... что еще..."

Линь Цинъюй быстро покачал головой, холод в его теле не утихал, но если он попросит молодого человека, он определенно убьет его.

Сумм взял ее за руку, холод в этой руке заставил его бороться, и сказал: "Мастер... ты... нехороший... Сумм... ты можешь...".

"Нет, Сум, нет". Линь Цинъюй покачал головой, слегка погладил его по лицу и сказал: "Ты можешь отдохнуть, все хорошо, я в порядке".

Сильная усталость навалилась на него, и Сумм медленно закрыл глаза.

Надев одежду, Линь Цинъюй вышла из палатки. Она боялась, что стоит ей задержаться, и инстинкт ее тела позволит ей продолжать просить. Поступая так с подростком, Линь Цинъюй чувствовала, что действительно может пойти на смерть.

"Длинная ночь одинока, если глава Линь хочет найти кого-то, с кем можно провести хорошую ночь, разве Чэн не будет лучше, чем этот мальчик?" Чэн Цзя наполовину прислонился к стене башни, посмотрел на Линь Цинъюй, которая вышла из палатки, и холодно сказал.

Ты сам об этом заговорил!

Неудовлетворенное тело снова начало замерзать. От холода тело Линь Цинъюй слегка дрожало, и он не мог подойти. Линь Цинъюй лишь улыбнулся и сказал: "Тогда, мастер Чэн, назначьте цену".

Лицо Чэн Цзя было мрачным, он притянул ее к себе и сказал: "Сколько ты можешь стоять?".

От этого тела тоже исходил жар, и от его жара тело Линь Цинъюй готово было двигаться. Он зацепил шею Чэн Цзя и встал на цыпочки. Линь Цинъюй сказал ему на ухо: "Одной мелодии достаточно".

После того, как Чэн Цзя так долго слушала крик весны, тело Чэн Цзя уже отреагировало: она прижалась к стене, как в наказание, подняла одну ногу и бросилась внутрь.

Как только она вошла, Чэн Цзя почувствовала неладное. Она так долго была с мальчиком, и внизу должно было быть сыро, но сейчас там было чисто, и не только чисто, но и с холодной прохладой. У Чэн Цзя есть склонность к чистоте. Если бы здесь было действительно сыро, боюсь, он бы уже давно от него отказался. Хотя в этот момент он чувствовал, что что-то не так, это было в согласии с его сердцем, и он задвинул его поглубже.

Линь Цинъюй впервые оказался в такой позе. Его спина болела из-за каменной стены. Стоять и стоять на одной ноге было еще более неудобно, не говоря уже о столкновении с Чэн Цзя без жалости.

"Больно, ублюдок!" воскликнул Линь Цинъюй, не осознавая этого.

Чэн Цзя заслонила губами ее больной рот, хищные поцелуи и вырывающийся удар под ними, заставили Линь Цинъю выругаться матом, подсознательно подтянуть живот, цветочное сердце расцвело, и оно безжалостно вошло. 'Младший брат завернул его и лизнул.

Чэн Цзя не мог больше терпеть, крайнее удовольствие, жесткая сдержанность, которую он никогда не испытывал раньше, заставили его зарычать и кончить без всякой подготовки.

Не дав ему времени отстраниться, Линь Цинъю скрутил его нижнюю часть талии, а затем продолжил сжимать нижнюю часть, непосредственно сжимая своего младшего брата внутри, чтобы продолжить расширяться.

"Ты гоблин!" Чэн Цзя закричал низким голосом и хлопнул сильнее.

В течение долгого времени Чэн Цзя был джентльменом, не говорил громко, а его осанка стала еще более элегантной. Линь Цинъю никогда не думал, что его можно назвать тираном, когда он делает такие вещи!

Пытаясь заставить Хуасиня сопротивляться его атаке, Линь Цинъю подумал про себя: с его тонкой и мягкой талией, сломает ли такая сила его талию?

Она не знала, что талия Чэн Цзя была сломана, и она не знала, но после того, как она проделала это несколько раз, на ее спине проступили бесчисленные кровавые следы, и боль была полумертвой.

И Чэн Цзя тоже нашел что-то неладное. После струй счастья, доведенных до крайности, тело женщины оставалось чистым. Единственное, что изменилось, - холодное тело начало нагреваться, и это тепло сделало его Запугивающее поглощение еще более **** людей, заставляя людей бессознательно желать умереть в нем.

"Что в твоём теле?" Чэн Цзя снова выстрелил, задыхаясь и спрашивая.

"Я был отравлен. Сегодня у меня не было бы приступа. Думаю, я слишком устал". Линь Цинъю скрутил его за талию и обхватил, втягивая обратно своего младшего брата, который хотел уйти. Бабушка, ты **** меня вот так. Я не буду Как ты можешь быть достойным сосать достаточно денег!

Чэн Цзя был шокирован, но, помедлив, спросил: "Экстаз Дворца Сотни Цветов исчез?".

Это имя было своего рода ядом. Линь Цинъю все еще колебалась, стоит ли ей кивать головой. Чэн Цзя уже поднял ее с каменной стены, усадил на землю, посадил на себя и сказал: "Твой муж для тебя - это детоксикация?".

Линь Цинъю был ошеломлен, это? Как ответить? Осторожно спросил: "Ты знаешь, что это за яд?"

"Он создан Демонической Девушкой Сотни Цветов. Это очень коварный яд. Если поймают самку, то она должна ежемесячно иметь **** с мужчиной. Если пойман мужчина, он должен **** с женщиной каждый месяц." Чэн Цзя сказал глубоким голосом.

Линь Цинъю чуть не рассмеялся. Этот вид яда действительно особенный. Увидев, что лицо Чэн Цзя стало неправильным, он поспешно сказал: "Нет, я не такая штука, просто раз в год".

"Если не найдется человека, который объяснит тебе, что ты будешь делать?" Чэн Цзя сильно насупился и спросил.

"Хм... Наверное, человеком-мороженым". бессознательно ответила Линь Цинъюй.

Ее кожа все еще ощущала холод, а температура тела не могла согреть ее тело. Чэн Цзя почувствовал небольшое сожаление.

Затем, под холодным лунным светом, она увидела, что одежда спадает из-за интенсивных упражнений. Линь Цинъюй был на ее правой груди. Шрамы.

На первый взгляд, шрам казался цветком. При ближайшем рассмотрении, это была отвратительная линия, ползущая по правой половине груди, делая изначально круглое, белое и манящее место немного пугающим.

Почувствовав его взгляд, Линь Цинъюй подобрал свою одежду и прикрыл тело, после чего отошел от него.

Чэн Цзя был ошеломлен, думал встать, но обнаружил, что его тело уже ослабло и немощно. Да, после того, как он столько раз стрелял, как он мог все еще иметь силы в тяжелой болезни.

"Ты нездоров". Чэн Цзя поправил позу, чтобы сесть у каменной стены, и легкомысленно сказал.

"Нет, но если снова попросить тебя спуститься, ты не выдержишь". Линь Цинъюй тоже сказал негромко.

Чэн Цзя горько усмехнулась, оказалось, что она действительно была лишь противоядием.

Увидев, что она безучастно смотрит на луну, а цвет ее кожи снова стал белым, Чэн Цзя почувствовал необъяснимую боль в сердце и сказал: "Иди сюда".

Линь Цинъюй удивленно посмотрела на него.

Чэн Цзя глубоко вздохнул и сказал: "Мое тело не такое невыносимое, как ты сказал, иди сюда!".

Линь Цинъюй улыбнулся, покачал головой и сказал: "Спасибо за твою доброту, но я не могу обменять твою жизнь на свою."

"Что ты хочешь?" Подумав о такой возможности, Чэн Цзя почувствовал легкое беспокойство.

Вспышка тревоги Чэн Цзя заставила Линь Цинъюя опешить, а затем он медленно повернул голову и посмотрел на палатку, где лежал Ван Сюаньчжи.

"Не уходи!" невольно воскликнул Чэн Цзя.

"Что ж, это неплохо, я спасла ему жизнь, теперь не нужно слишком много платить". Линь Цинъюй соблазнительно улыбнулся, затем склонил голову и залез внутрь.

Когда из палатки раздался стон, Чэн Цзя прижал кулак к груди и почувствовал, что боль почти нестерпима. Казалось, что на его груди, как и на ее, расцвел синяк. Шрамы, которые не могут зажить.

"Ах ты, дьявол! Отпусти меня!" Ван Сюаньчжи зарычал низким голосом.

"Ты хочешь, чтобы я отпустил, но почему он все еще двигается здесь?" Линь Цинъюй негромко рассмеялся, а затем снова крепко сжал живот.

Ван Сюаньчжи покраснел, но его тело было неконтролируемым, и он дико выл от сдавливания.

"Я убью тебя, я обязательно убью тебя". сказал Ван Сюаньчжи, трясая своим телом, подталкиваемый ****, кажется, что он уже не сможет слезть.

Теперь я **** злодей! Линь Цинъюй в сердцах разрыдался, этот Ван Сюаньчжи, как член семьи Ван, не должен быть человеком, который был просветлен в возрасте тринадцати лет, испытал много цветов, и уже давно знаком с любовными делами, даже мастер в них! Тогда такой вид *** должен быть для него обычным делом. Как так получилось, что этот парень - место!

И не только место, но и застенчивое место! После небольшой возни, ты не встаешь или сразу стреляешь (вкус чистого солнца очень аутентичен!) Более того, ты **** преследуешь меня, и все время кричишь, что убьешь меня!

Чистых Ян было двое, тело Линь Цинъюй полностью восстановилось, но когда она хотела отстраниться от него, у Ван Сюаньчжи были открыты водянистые глаза, руки крепко держали ее за талию, и она крикнула: "Ты, демоническая девчонка, я должна убить тебя!". Затем у него снова началась эрекция...

Потянув его за руку, глядя в его прекрасные глаза, словно переполненные водой, Линь Цинъюй сказал слово за словом: "У тебя жар, и сейчас ты спишь! Сон! Сон! Закрой глаза! Засыпай... Засыпай... Засыпай...".

Глаза Ван Сюаньчжи моргнули, ее румяные губы слегка сжались, и она отчетливо прошептала: "Я не сон, я знаю это очень четко, но я не буду отвечать за тебя!".

Линь Цинъюй тут же встал и сказал: "Как хорошо!". Надев свою одежду, он убежал.

Как только тело покинуло его, оно потеряло свою сдержанность и тут же принесло озноб.

Ван Сюаньчжи коснулся своей груди, которая была укушена демоницей и стала красно-фиолетовой, а затем коснулся своих губ, к которым прикасалась только демоница. Через некоторое время ему стало очень жарко.

Накрыв одеялом свое полное следов тело, Ван Сюаньчжи подумал: "Я должен убить тебя, убить, убить, убить, убить..." и устало заснул.

С телом, полностью удовлетворенным и полным энергии, Линь Цинъюй чувствовал себя очень счастливым. Что касается последствий, то об этом я расскажу позже.

Поэтому, когда в палатке стало так холодно, что, казалось, можно было убить человека, он решительно повернулся.

На лице Чэн Цзя появился ненормальный румянец, сердце Линь Цинъюй заколотилось, и он быстро присел на корточки в двух шагах перед ним. Его одежда была открыта. Было видно, что плоский живот слегка приподнят. Линь Цинъюй протянул руку, чтобы дотронуться до него. Его опередил Чэн Цзя.

"Не трогай меня." холодно сказал Чэн Цзя.

Линь Цинъюй на мгновение опешил, а затем сказал: "Дай-ка я посмотрю, не увеличена ли там селезенка".

"Да." Чэн Цзя сказал холодным голосом. Он видел людей в городе, как только она начинает расти, то появляется черная моча, а затем смерть.

Закрыв его одежду, Линь Цинъюй подняла его, несмотря на его сопротивление. В этот момент она была в полном порядке. Хотя Чэн Цзя была высокой, она весила не так уж много. Линь Цинъюй не сомневалась, что он легче ее самой, и обняла его руками. Никакого давления.

Завели людей в палатку и положили на циновку, чтобы они хорошо спали. Линь Цинъюй мягко сказала: "Все будет хорошо, Янь Сань скоро вернется. Пока ты будешь приносить лекарства, все будет хорошо. С тобой абсолютно ничего не случится".

Когда он встал и хотел уйти, его мягко потянули за запястье, Линь Цинъюй неосознанно повернул голову.

"Не уходи." облегченно сказал Чэн Цзя. От этого места до смерти самый быстрый день, самый медленный всего четыре или пять дней, он не боялся смерти, но не хотел умирать вот так.

"Я не пойду, я принесу тебе воды.

" Линь Цинъюй похлопал его по руке и слегка улыбнулся: "Не волнуйся, все в порядке, я ничего тебе не дам".

Когда Лин Цинъюй забрал воду, Чэн Цзя впал в кому. Руки Линь Цинъюя слегка дрожали. Он хотел влить в него воду, но его губы были плотно сжаты, и вода не могла попасть внутрь. Ему пришлось проявить жестокость и использовать метод "поцелуя и полива", влив в рот несколько глотков воды.

Когда рассвело, Лин Цинъюй начал паниковать, потому что живот Су Му начал раздуваться. Те, кто хотел увидеть Ван Сюаньчжи, были выданы холодным взглядом Ван Сюаньчжи, который был уже трезв.

Это из-за тебя? Линь Цинъюй был очень расстроен и сожалел. Если бы это было так, он мог бы превратиться в мороженое.

Вытирая слезы, Линь Цинъюй взял ведро и пошел носить воду.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2525322>